

Истомина Ольга Борисовна
Иркутский государственный университет,
г. Иркутск, Российская Федерация
olgaistomina@mail.ru

Качество жизни старшего поколения: региональные особенности

Аннотация. В статье анализируется качество жизни как интегральный показатель состояния общества. Качество жизни населения, в том числе старшего поколения требует внимательного анализа как со стороны науки, так и политико-административной системы. Автор анализирует данные социологических исследований социального положения пенсионеров Иркутской области, проведенных в 2014–2020 гг., определяет формы динамики образа жизни старшего поколения, а также представляет оценки образа старости в молодежной среде. На основе соотношения данных результатов определен уровень инклюзии старшего поколения в социальных условиях региона.

Ключевые слова: старшее поколение; социальный статус пожилых; пенсионные выплаты; образ старости; уровень удовлетворенности жизнью; инклюзия

Istomina Olga Borisovna
Irkutsk State University,
Irkutsk, Russian Federation
olgaistomina@mail.ru

Older generation quality of life: regional features

Abstract. The article analyzes the quality of life as an integral indicator of the state of society. The quality of life of the population, including the older generation, requires careful analysis both by science and by the political and administrative system. The author analyses the data of sociological studies of the social situation of pensioners of the Irkutsk region, carried out in 2014–2020, determines the forms of dynamics of the lifestyle of the older generation, as well as presents estimates of the way of old age among young people. Based on the relationship of these results, the level of inclusion of the older generation in the social conditions of the region has been determined.

Keywords: senior generation; social status of elderly; pension payments; image of an old age; level of satisfaction with life; inclusion

Качество жизни как интегральный показатель развития общества

Качество жизни, благосостояние население всегда является маркером развития общества, его социальной, демографической политики. Сложность данного феномена объясняется многоаспектностью и поливариантностью выражения в социальных стратегиях. Чаще в социальной политике транслируются экономический и медико-реабилитационный аспекты. Но данная категория обладает более сложным содержанием: доход, число потребляемых витальных и культурных благ,

экологическая ситуация, доступность медицинских и образовательных услуг, индекс развития человеческого потенциала, продолжительность жизни, состояние здоровья, доступность инфраструктуры, наличие каналов информации, эмоциональное здоровье, семейные связи, отношения в семье, социальное самочувствие, уровень удовлетворенности жизненными реалиями и т.п. На наш взгляд, не менее значимым является уровень инклюзии различных социальных групп в общественно-бытовые, социокультурные стратегии. Уровень «внедрения» старшего поколения в действующую систему стратификации особенно заметен в отношении населения к лицам старше трудоспособного возраста, доля которых неуклонно растет не только в России, но и в мире.

Принимая во внимание данное положение в статье приведены данные авторских исследований социального положения пожилых граждан (первое измерение) и представления социального окружения о жизни старшего поколения, в данном конкретном случае, представления молодежи (второе измерение). Согласно теории М. Вебера, уровень инклюзии/ эксклюзии складывается из стереотипов об исследуемой группе [Работы М. Вебера по социологии, религии и культуре, 1991], формируемых и закрепляемых в сознании общественным мнением. Интерес автора к мнению молодого поколения объясняется тем, что общественное мнение и социальная защита пожилых в ближайшие десятилетия будет определена поступками и отношением молодых к пожилым, тем, какие стратегии социальной защиты будут транслироваться. Это особенно важно, учитывая общемировые тенденции демографического старения.

Думается, что принятые официальной статистикой критерии в совокупности отражают уровень инклюзии определенной группы. К таковым следует отнести: демографические показатели; занятость, безработицу и условия труда; денежные доходы населения и их использование; дифференциацию доходов и бедность; социальную защиту отдельных категорий граждан; структура и содержание пенсионного обеспечения; расходы и потребление домашних хозяйств; жилищные условия; состояние здоровья и медицинское обслуживание населения; образование; культуру, туризм и отдых; средства связи [Социальное положение и уровень жизни населения России, 2015]. Большая часть данных критериев актуальна в описании качества жизни старшего поколения.

Очевидно, что современные процессы социальной стратификации сверхдинамичны, сложны и неоднозначны, что определяет необходимость поиска новых критериев для описания качества жизни и положения социальных групп. Автор соглашается с мнением М. С. Ахметовой, что социальное положение старшего поколения – «это интегральная социальная характеристика, отражающая место пожилых людей в социальной структуре как единство объективных показателей их статуса, их личные субъективные оценки и адаптивные ресурсы» [Ахметова, 2009: 6]. Социальное положение определяет качество жизни социальной группы, уровень её

инклюзии в социальные стратегии и является своего рода маркером стадии развития общества, особенностей его структуры и характера общественных процессов. Деструкции в инклюзии старшего поколения в социальную структуру свидетельствуют об экономическом, социокультурном, демографическом, медико-рекреационном, морально-нравственном неблагополучии.

Старшее поколение как специфическая социальная группа

Старшее поколение – особая, специфическая социальная группа лиц старше трудоспособного возраста, обеспечение которой составляют выплаты социального страхования. Необходимость социальной защиты объясняется утратой здоровья, жизненной энергии для продолжения трудовой деятельности и невозможностью дальнейшего самообеспечения, что в целом обусловлено биомедицинскими и социально-демографическими факторами. «Период дожития», как его называют в официальной статистике, характеризуется многими проблемами различной этиологии, поэтому связан с неоднородностью как демографических показателей, так и уровнем доходов в связи с дифференциацией условий назначения пенсии, разностью степени адаптации и психосоматического состояния и в целом уровня инклюзии. Специфика третьего возраста в системе социальных иерархий требует комплексного анализа на основе экономического, социологического, социально-философского, демографического, психологического, медико-рекреационного, адаптивного, политико-правового, культурологического и иных подходов.

Стремительные изменения возрастной структуры значительной части мира, «старение» населения обуславливают необходимость поиска эффективных программ геропротекторов для обеспечения активного долголетия и продления трудовой фазы в структуре социализации населения. Трансформация демографической структуры является фактором для многих деструктивных социальных процессов: рост демографической нагрузки, падение реальных доходов населения, дефицит пенсионного бюджета и системы социальных льгот и, в связи с этим, рост «бедности по старости». Данные деструкции выводят старшее поколение на первую линию в социальной структуре и требуют оперативных решений демографической политики для социальных проявлений в ближайшие несколько десятилетий. Задержки и «отодвигание» данных проблем представляют риски социальных катастроф и неготовности общества одновременно справиться с долгосрочными проектами, которыми является обеспечение конструктивных решений демографической политики государства.

Очевидно, что адаптация в посттрудовой стадии проходит в различных вариациях. Но даже при благоприятном сценарии поддержки семьи и наличия «финансовой подушки», увлечений, широкого круга общения велики риски эмоционального опустошения, утраты физического и психоэмоционального здоровья.

Специфичность данной социальной группы определяет многоаспектность её анализа в составе исследований медико-социальных нужд группы, её психологических особенностей, сложностей адаптации к послетрудовому периоду. Не менее значимым является исследование экономического, социокультурного, политико-правового, социально-реабилитационного портрета пожилого гражданина.

Сложности адаптации, мизерные доходы ввиду утраты трудоспособности, невостребованность опыта старшего поколения у молодежи в силу его мгновенного устаревания в постиндустриальном обществе негативно влияют на образ старости в целом. Особенно велики данные тенденции в современной России, где старость значительно изменилась в восприятии населения: от восточного, почтительного, связанного с трудовой славой, жизненным опытом и безграничным уважением к этому опыту до бессмысленного, жалкого, нищего существования с потерей значимости группы, «ненужности» для последующих поколений. Данные изменения существенно влияют на нарастание эксклюзии старшего поколения и его качество жизни.

Эмпирическая база исследования

Исследование качества жизни как интегрального показателя региональной экономики и системы социального обеспечения в государстве является методически сложным многоаспектным процессом, требующим повторного применения методики, её обновления для исследования объекта в динамике. Затруднения связаны с низким уровнем доверия старшего поколения ко всем институтам власти, общественным организациям и незнакомому социальному окружению. Криминализация общества, разрастание видов мошенничества, в том числе и в отношении стариков, способствует нарастанию этого недоверия.

Эмпирическую базу данной статьи составили материалы авторских исследований 2014–2020 гг., а именно социологического анкетного опроса «Пенсионеры Иркутской области: социальное положение», «Качество жизни старшего поколения», «Образ старости в восприятии молодежи» [подробнее см: Истомина, 2013; Истомина, 2015; Истомина, 2016].

В основу выборки каждого из перечисленных исследований положены необходимые для решения исследовательских задач заранее заданные признаки генеральной совокупности. Объем выборки анкетных опросов «Пенсионеры Иркутской области: социальное положение» (2014–2015 гг.), «Качество жизни старшего поколения» (2017–2018 гг.) составил по 1000 респондентов соответственно. Автором применена многоступенчатая выборка на основе поселенческой и половозрастной структур региона. Учтены не только пространственная локализация и тип поселения, пол и возраст респондентов, но и назначение пенсии по старости (привлекались лица, достигшие 55/60-летнего возраста и имеющие минимальный трудовой стаж для начисления страховой пенсии и получающие, в связи с этим, государственные трансферты).

Анкета содержит 12 информационных блоков: 1) социально-демографические характеристики; 2) характеристики посттрудового периода; **3) коммуникативные характеристики;** 4) степень доверия; 5) уровень удовлетворенности жизнью (SWLS); 6) **ожидаемый уровень качества жизни;** 7) индекс жизненной удовлетворенности; **8) ценностные ориентации;** 9) материальное положение; 10) политические взгляды; 11) оценка социально-экономической ситуации; 12) представления о системе социального обеспечения.

С целью объективации показателей социального статуса и качества жизни пожилых были включены: опросник общего психологического состояния человека, разработанный Б. Неугартеном (1961 г.) в обработке Н. В. Паниной (1993 г.) [Панина, 1993]; шкала доверия М. Розенберга [Rosenberg, 1991]; шкала удовлетворенности жизнью (Satisfaction With Life Scale (SWLS), 1985 г.) в обработке Е. Н. Осина и Д. А. Леонтьева [Diener, 1985]. Данные методики оказались наиболее эффективными при измерении субъективных ощущений старшего поколения по поводу их инклюзии, психоэмоционального состояния, удовлетворенности жизнью.

Объем выборки экспресс-опроса «Образ старости в восприятии молодежи» (2020 г.) – 100 представителей молодежи Иркутской области в возрасте от 18–30 лет, выборка – случайная. Для анализа полученных данных использовался онлайн-сервис Google.forms. Вопросы ориентированы на выявление уровня сформированных представлений у молодежи о старости по 8 аспектам: уровень знаний; настроение; финансовое положение; активность; внешний вид; роль в обществе; роль в семье; отношение пожилых людей к молодому поколению.

Таким образом, анализируются показатели двух измерений: старшее поколение о себе, о своем социальном положении (первое измерение) и представления молодежи о жизни старшего поколения (второе измерение).

Результаты измерения качества жизни пожилого населения

Первое измерение. Утрата трудоспособности и самостоятельного финансового обеспечения в пожилом возрасте значительным образом меняет образ жизни. По результатам опросов: полностью удовлетворены своим материальным положением только 5,0 % опрошенных; 28,5 % пенсионеров отметили, что денег хватает, но покупка дорогих вещей вызывает затруднения; 52,0 % указали, что денег хватает на еду и можно купить кое-что из необходимых вещей; для 12,0 % респондентов денег хватает только на еду; 2,5 % опрошенным приходится постоянно брать в долг, т.к. денег не хватает даже на еду. Социальное самочувствие группы во многом зависит от материального благополучия. По размеру доходов респонденты определили свою принадлежность к социальному слою следующим образом:

– отнесли себя к высокообеспеченному слою 3,0 % (денег хватает на удовлетворение потребностей без особых ограничений);

- считают себя среднеобеспеченными 21,0 % (денег хватает на питание, жилье, одежду, образование, здоровье, отдых, товары длительного пользования);
- испытывают низкую обеспеченность 74,0 % респондентов (денег хватает в основном на питание, жилье, товары первой необходимости);
- считают себя необеспеченными 2,0 % опрошенных пенсионеров.

Низкий индекс уверенности потребителя-пенсионера в современных рыночных условиях детерминирует высокий индекс риска бедности в зависимости от социального статуса. Статус пенсионера по возрасту подвержен влиянию проявлений эйджизма и на данном этапе не является социально престижным ввиду размера государственных трансфертов.

Степень влияния социального самочувствия пенсионеров на общий фон социального настроения в государстве увеличивается, что актуализирует проблемы субъективных оценок реальности пожилым населением. Так, к примеру, только 35,5 % опрошенных отметили, что с выходом на пенсию их жизнь не изменилась; 18,5 % заметили улучшения; 34,0 % – ухудшения; и для 12,0 % ответ был затруднительным.

Данные оценки соотносятся с целостными впечатлениями от текущего жизненного периода: в целом вполне устраивает – 21,0 %; по большей части устраивает – 23,0 %; отчасти устраивает, отчасти нет – 41,0 %; по большей части не устраивает – 10,0 %; совершенно не устраивает – 2,5 %; затрудняются с ответом – 2,0 % опрошенных пенсионеров по старости.

Вызывает серьезные опасения и сигнализирует о значительных деструкциях в обществе доминирование пессимистичных настроений, обусловленных низким индексом жизненной удовлетворенностью (62,0 % от численно доминирующей в регионе социальной группы старше трудоспособного возраста). Средний индекс выявлен в 26,0 % , высокий – только у 12,0 % опрошенных. Очевидно, что после карантинных мероприятий и стагнации экономики в результате пандемии-2020 эти показатели приобретут более угрожающий объем.

Второе измерение представлено мнением молодежи о старости. Данное измерение важно с точки зрения перспективы развития социальной политики и формирования новых ориентиров качества жизни населения, в том числе численно растущей группы старшего поколения.

По мнению молодежи, старость ассоциируется у них с наличием большого жизненного опыта (54,0 %), мудростью (49,0 %), болезнями (49,0 %), беспомощностью (38 %), одиночеством (29 %), спокойствием и терпимостью (22 %), счастьем в семье (20 %).

Важно, что представления молодежи во многом совпадают с данными первого измерения: пенсионеры характеризуют текущий период своей жизни как бедный

(10,5 %), зависимый (8,0 %), бесполезный (3,0 %), беспомощный (4,0 %). Из 42 предложенных характеристик данные были чаще всего выбраны респондентами.

Трансформация отношения к старости во многом объясняется устареванием опыта старшего поколения (24,0 % респондентов отмечают данный факт), невозможностью его применения в текущих реалиях. Приоритет экономических факторов в системе межличностных отношений с 1990-х гг. также способствовал новому отношению к пожилым как к истраченному ресурсу, не имеющему перспектив и вследствие этого утратившего социальное значение. Так, по мнению 47,0 % молодых респондентов считают неуважительное отношение к пожилым незаслуженным, 7,0 % – совершенно незаслуженным.

Нет сомнения, социальное неблагополучие старшего поколения – признак социально-экономического, политического, морально-нравственного неблагополучия общества. В условиях старения нации и перманентного нахождения в стагнации, кризисных состояниях пожилое население требует пристального внимания. Для обеспечения социальной стабильности необходимы кардинальные изменения в социальной политике государства.

Более широкое понимание социального положения необходимо для грамотного социального проектирования, учета ресурсных возможностей социальных групп в общественных стратегиях, своевременной коррекции социального самочувствия и адаптационных процессов для обеспечения социальной стабильности.

Вывод

В современном обществе наблюдается увеличение доли пожилых и старых людей, существенно изменяется их роль в обществе. В связи с этим возникает необходимость нового осмысления феноменов старости и старения. Согласно данным ВЦИОМ, «наиболее ожидаемой от государства мерой продления активного долголетия является расширение доступа к современным медицинским технологиям – её называл каждый второй россиянин (52 %). Помимо этого, 40 % назвали развитие программ профилактики заболеваний и здорового образа жизни, а чуть меньшая доля (39 %) – важность обеспечения социальной активности и досуга граждан» [Качество жизни россиян: ключевые факторы, 2020].

Старость является социальным феноменом, требующим ввиду восприимчивости к различным видам дискриминации пристального внимания от социальной политики государства и региона. На современном этапе развития российского общества, для которого серьезной проблемой является старение нации и увеличение демографической нагрузки, необходимы комплексные исследования социального положения пенсионеров, учитывающие объективные и субъективные критерии

ранжирования, а также региональные особенности функционирования социальной группы.

Библиографический список

Ахметова М. С. Социальное положение пожилых людей в трансформирующемся российском обществе: дисс. канд. социол. наук. Уфа, 2009.– 19 с.

Истомина О. Б., Анишуква Т. Б. Место пенсионных выплат в структуре обеспечения российских пенсионеров // Вестник Бурятского государственного университета. Серия Философия. Социология. Политология. Культурология. 2015. № 14. С. 46–51.

Истомина О. Б., Анишуква Т. Б. Современные тенденции развития пенсионной системы в регионе (на примере Иркутской области) // Европейский журнал социальных наук. 2013. № 12 (2). С. 432–440.

Истомина О. Б., Анишуква Т. Б. Старшее поколение: региональные особенности социального положения // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2016. № 11 (93). С.29–34.

Качество жизни россиян: ключевые факторы [Электронный ресурс] // ВЦИОМ: [веб-сайт.]URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9460> (дата обращения: 21.04.2020).

Панина Н. В. Индекс жизненной удовлетворенности // LifeLine и др. новые методы психологии жизненного пути / Сост., ред. А. А. Кроник. М.: Прогресс-Культура, 1993. С. 107–114.

Работы М. Вебера по социологии, религии и культуре / АН СССР, ИНИОН, Всесоюз. межвед. центр наук о человеке при президиуме. Вып. 2. М.: ИНИОН, 1991.

Социальное положение и уровень жизни населения России. 2015: Стат. сб. М.: Росстат, 2015.–311 с.

Diener E., Emmons R. A., Larson R. J., Griffin S. The satisfaction with life scale // Journal of Personality Assessment. 1985. № 49. P. 71–75.

Rosenberg M. Faith in People Scale // Measures of personality and Social Psychological Attitudes. Volume 1 of Measures of Social Psychological Attitudes / Ed. J. P. Robinson, P. R. Shaver, L. S. Wrightsman. San Diego, NY, Boston: Academic Press, 1991. P. 404–405.